

Владимир Короленко

Легенда о царе и декабристе

Владимир Галактионович Короленко

Легенда о царе и декабристе

«10 сентября 1856 года губернатором в Нижний Новгород был назначен генерал-майор Александр Николаевич Муравьев.

Послужной список нового губернатора был не совсем обыкновенный. Родился он в 1792 году, девятнадцати лет участвовал в Отечественной войне, получил знак отличия за Кульмское сражение. Двадцати четырех лет был уже полковником, но в 1816 году, заразившись заграничными идеями, внезапно бросил службу и вместе с Никитой Муравьевым основал первое в России тайное общество «Союз благоденствия». Еще шаг – и он очутился в среде декабристов...»

Содержание

#1	0005
I	0007
II	0011
III	0022
IV	0032
V	0037
VI	0046
VII	0054
VIII	0060
IX	0067
X	0073

**Владимир Галактионович
Короленко**

**Легенда о царе и декабристе
(*Страничка из истории
освобождения*)**

[1]

Публикуемый очерк В. Г. Короленко, впервые увидевший свет в 1911 г. в журнале «Русское богатство» (№ 2, сс. 113–140), в советское время не переиздавался (даже не вошел в собрание сочинений В. Г. Короленко). Между тем, он представляет несомненный интерес. Главный герой очерка – А. Н. Муравьев (1792–1863) – декабрист, основатель ранних декабристских организаций, впоследствии отошедший от движения, был осужден к ссылке в Сибирь без лишения чинов и дворянства. В Иркутске началась его служба в «чиновничьих дебрях», продолжавшаяся практически до смерти. Последние годы жизни А. Н. Муравьев был нижегородским военным губернатором, много способствовал проведению крестьянской реформы в крае. Главное, что заинтересовало В. Г. Короленко, и что он хотел передать: «...мечта юности, которую человек осуществляет стариком..., юношей член общества или точнее «Союза благоденствия», потом... городничий, наконец, губернатор, остающийся в душе членом «Союза благоденствия». Очерк представляет интерес

и как образец творчества В. Г. Короленко, мало известного современному читателю. По справедливому замечанию советского литературоведа Л. Г. Фризмана, «в большом и многогранном творчестве Короленко немного найдется вещей, которые так отразили бы кристальную чистоту его облика, его этический максимализм, цельность убеждений этого рыцаря в жизни и литературе».

10 сентября 1856 года губернатором в Нижний Новгород был назначен генерал-майор Александр Николаевич Муравьев. [2]

Послужной список нового губернатора был не совсем обыкновенный. Родился он в 1792 году, девятнадцать лет участвовал в Отечественной войне, получил знак отличия за Кульмское сражение. Двадцати четырех лет был уже полковником [3], но в 1816 году, заразившись заграничными идеями, внезапно бросил службу и вместе с Никитой Муравьевым основал первое в России тайное общество «Союз благоденствия». Еще шаг – и он очутился в среде декабристов. [4]

В «Росписи государственным преступникам, приговором Верховного уголовного суда осуждаемым к разным казням и наказаниям» по делу о восстании 14 декабря, А. Муравьев значится в разряде VI, где о нем сказано так:

«Полковник Александр Муравьев. Участвовал в умысле цареубийства согласием, в 1817 году изъявленным, равно как участвовал в

учреждении тайного общества, хотя потом от онаго совершенно удалился, но о цели онаго не донес».

По приговору суда государственные преступники этого разряда (которых, впрочем, было только двое: полковник Муравьев и дворянин Люблинский[5]) подлежали ссылке в каторжные работы на шесть лет и поселению в Сибири. Но, в виду «чистосердечного раскаяния», участь А. Н. Муравьева была смягчена. Он был сослан в Восточную Сибирь без лишения чинов и орденов[6], а через два года получил право определиться на государственную службу. Бывший полковник, основатель «Союза благоденствия» и декабрист, стал в 1828 году иркутским городничим.

С этих пор он проходил разные ступени чиновничьей иерархии: был последовательно председателем – сначала иркутского, потом тобольского губернского правления, исправлял временно должность тобольского губернатора, затем в 1834 году возвратился в Европейскую Россию в качестве председателя вятской уголовной палаты. Потом занимал ту же должность в губернии Таврической, потом

стал губернатором в Архангельске. В 1854 году опять поступил на военную службу и участвовал в Севастопольской кампании. Здесь застала его перемена царствования.

Молодой император не скрывал своего желания приступить к освобождению крестьян. Искренность этих его тогдашних намерений обнаружилась, между прочим, в том, что он окружил себя людьми, настроенными освобождительно: параллельно с оживлением в обществе и народе, в бюрократии тоже происходили соответственные перемещения и перемены. Муравьев решил опять бросить военную службу и отдать великому делу свою административную опытность, приобретенную в сибирских, вятских и архангельских чиновничьих дебрях.

Таким-то образом, в тревожные, как грозное весеннее утро, годы накануне реформы, когда в воздухе уже реяли всевозможные слухи и превратные толкования, когда в народе разносились крамольные вести о предстоящей свободе, а дворянство и власти растерялись и не знали, как отнестись ко всему происходящему, – Нижний Новгород был осчаст-

ливлен вестью о назначении губернатором основателя первого в России тайного общества, бывшего участника «в замысле царевубийства», декабриста, приговоренного некогда к каторге.

Что же представлял он на самом деле, и каково то «искреннее раскаяние», которое позволило «каторжнику» подвигаться по ступеням службы и занять, наконец, один из важнейших после Петербурга и Москвы губернаторских постов? Да еще в такое тревожное время?

Естественно, что этот вопрос, очень важный, пожалуй, трагический для тогдашних «командующих классов» нижегородского губернского мира, занимал всех при этом назначении. Ждать его разрешения пришлось недолго. Губернатор-крамольник обнаружил свою личность выразительно и ярко, надолго оставив по себе память в Нижегородском крае.

В то время, когда я поселился в Нижнем, то весть в половине 80-х годов прошлого столетия, там еще сохранялись кое у кого списки многочисленных сатир и пасквилей, в которых поэты, главным образом дворянскогословия, пытались воспроизвести фигуру Муравьева в том виде, как она представлялась с дворянской точки зрения. Летописец Нижегородского края, известный в свое время «областник», А. С. Гациский[7] тщательно собрал и сохранил от забвения эту рукописную литературу, передав ее в местную архивную комиссию. В 1897 году некто г. Юдин извлек из архивных недр и напечатал в «Русской старине» (сентябрь) самое объемистое из произведений этого «муравьевского цикла», так и озаглавленное: «Муравиада».[8] Нужно сказать с некоторым прискорбием, что это поэма очень грязная, написанная неуклюжим стихом и вообще бездарная до оскорбления вкуса. Но для характеристики Муравьева в ней все-таки есть интересные черты. Г. Юдину показалось даже, что она выражает отрицатель-

ное отношение к Муравьеву всего населения. Это – наивность тем большая, что «всего населения» тогда, пожалуй, вовсе и не было. Были мужики, нетерпеливо ждавшие свободы и глухо волновавшиеся в этом своем нетерпении; было образованное общество, с восторгом встречавшее всякий шаг на пути освобождения, и было большинство дворян, растерянных и испуганных реформой. И у каждого из этих элементов было свое отношение ко всему, в том числе, конечно, и к Муравьеву. Не трудно было разглядеть, что «Муравиада» отражала губернатора-декабриста в крепостническом зеркале. Вся она проникнута острой, но бессильной враждой, вынужденной питаться пошловатыми мелкими сплетнями, направленными вдобавок (не совсем по-джентльменски) не столько даже против самого Муравьева, сколько против жившей у него племянницы, фрейлины Муравьевой[9].

Надо, однако, отдать справедливость дворянской музе. Она не ограничилась одной «Муравиадой», в некоторых, не столь объемистых ее произведениях видны, пожалуй, и искренность, и одушевление. Искренность

вражды, одушевление ненависти, но все же эти чувства поднимают тон, диктуют порой яркие, гневные, иной раз даже слишком выразительные эпитеты. Например:

*И от злости ты ревел,
Лиходей лукавый,
Что в крестьянах не успел
Бунт возжечь кровавый.*

Или:

*Ты хитрейший санкюлот,
Хуже всех французских.
Девяносто третий год
Готовил для русских.*

Самые мягкие из этих отзывов обвиняют Муравьева в том, что он

*...популярности искал.
Свободы дух распространял,
Прогрессом бредил и народ
На бунт подталкивал вперед.*

Особенно часто и злорадно дворянская сатира останавливается на так называемой «Муравьевской башне»[10]. В 80-х и даже девяностых годах остатки ее еще можно было видеть на высоком берегу Оки, против яр-

марки, и нужно признать, что сооружение вышло не из удачных. Предполагалось водружить на ней огромный циферблат, видный «со стрелки», который, по-видимому, должен был напоминать всероссийскому купечеству обязательные часы открытия и закрытия лавок, во избежание законного штрафования. Оказалось, однако, что часы видны плохо. Башня, кроме того, дала трещины, и верхний ее этаж пришлось для безопасности проходящих снять. Дворянская сатира нашла в этом предмете обильную пищу, и около «муравьевской дылды» зароились стишки, остроты, обвинения, как грачи около старой колокольни. Много неуклюжих строк посвящено этой башне в «Муравиаде». Другой поэт видит в ее постройке скрытую цель:

*– Ты башню здесь соорудил...
– Чтоб поколения земли
Ввиду ея с почтеньем шли,
Вспоминая каждый раз,
Как ты господствовал у нас,
Как вольность здесь восстановил,
Вопрос крестьянский в ход пустил.*

Здесь дворянская муза непосредственно простодушна и искренна: она ставит вопрос прямо, не прибегая к мелкой сплетне.

Для нее преступление Муравьева состоит в том, что он «восстановил вольность» и «пустил в ход крестьянский вопрос», что и было на самом деле.

Однако, много было на Руси губернаторов, которые по приказу свыше и по долгу службы, «восстанавливали вольность» и содействовали, по мере сил и усердия, решению крестьянского вопроса, однако, сколько известно, ни один не вдохновлял в такой степени и такое количество дворянских сатириков, как Муравьев. Вероятно, потому, что в них видели просто исполнителей; на Муравьева же смотрели иначе: – старый мечтатель и заговорщик:

*Тайным действуя путем,
С молотком масона,
Он хотел быть палачом
И дворян, и трона.*

Крепостническое дворянство чувствовало в Муравьеве не простого, хотя бы даже энергичного и умелого исполнителя реформы. В

его лице, в тревожное время, перед испуганными взглядами явился настоящий представитель того духа, который с самого начала столетия призывал, предчувствовал, втайне творил реформу и, наконец, накликнул ее. Старый крамольник, мечтавший «о вольности» еще в «Союзе благоденствия» в молодые годы, пронес эту мечту через крепостные казематы, через ссылку, через иркутское городничество, через тобольские и вятские губернские правления и, наконец, на склоне дней стал опять лицом к лицу с этой «преступной» мечтой своей юности. Только теперь, – с горечью говорит дворянский поэт, —

*– все изменилось:
За что он погибал,
За то теперь возвысился,
В чести и славе стал.*

И был это уже не мечтатель из романтического «Союза благоденствия», а старый администратор, прошедший все ступени дореформенного строя, не примирившийся с ним, изучивший взглядом врага все его извороты, вооруженный огромным опытом. Вообще противник убежденный, страстный и —

страшный!.. Научившийся выжидать, притавляться, скрывать свою веру и выбирать время для удара. Когда, – говорит автор «Муравьяды», —

*– на губернаторство
К нам прибыл Муравьев,
Скрывал свое он варварство,
Покуда здесь был нов.*

Скоро, однако, он выпустил когти и, прежде всего, по свидетельству того же поэта, «верхушки стал ломать». Поэма с нескрываемым сочувствием называет (инициалами) нескольких крупных деятелей откупного и чиновничьего мира, которых «сломал» сбросивший маску декабрист, и затем продолжает с негодованием:

*Да разве мы причиною,
Что с некоторых пор
Идет здесь под сурдиною
Всем людям перебор.
Помещиков, сановников
Всех гонит наш кащей
И душит он чиновников,
Как жирный кот мышей[11].*

К статье А. А. Савельева («Р. Старина»,

июнь 1898 г.)[12], из которой я заимствовал некоторые из цитированных фрагментов дворянской сатиры, приложен и портрет Муравьева. В широком, несколько скуластом лице седого человека в генеральском мундире сразу можно уловить типичные муравьевские черты; близкое родственное сходство с его печально знаменитым виленским братом[13] сказывается ясно: та же энергия, тот же властный, только более спокойный взгляд, тот же отпечаток суровой угрюмости, только более одухотворенный и благородный. Губы энергического склада, густые брови над выразительными молодыми глазами. И мне кажется теперь, когда я знаю основные черты этого характера, что, спокойные на портрете, эти глаза должны легко вспыхивать, а около губ ютится предчувствие угрюмо насмешливой улыбки...

Еще характерная черточка бывшего заговорщика.

В 80-х годах в одном из журналов (кажется, в «Вестнике Европы») печатались записки крестьянина кустарного села Павлова, Сорочкина. Это был мечтатель, человек беспокой-

ный, типический «ходок», много и безуспешно воевавший с господствовавшей тогда партией павловского старшины Варыпаева. Дело это было сложное и запутанное. Несомненно только, что Сорокин был человек убежденный, и что противник у него был опасный. Варыпаева знали при дворе, жаловали кафтанами; в консервативной прессе писали о нем статьи, как о патриоте-самородке, и начальство его всячески поддерживало. Сорокина, наоборот, гнали, преследовали и разоряли. Идти против знаменитого павловского старшины – значило тогда восставать против «устоев». Когда однажды Сорокин явился со своим делом к Муравьеву, тот принял его, выслушал очень внимательно, а затем подвел к иконе и заставил поклясться, что он действительно стоит только за интересы мира и не отступит перед гонениями. После этого до конца своей (недолговременной, впрочем) службы Муравьев горячо поддерживал Сорокина.[14]

Мне известен и другой случай. В Нижнем я был знаком с Василием Михайловичем Ворониным (о котором мне еще придется гово-

ритель дальше). В годы своей юности он служил при Муравьеве чиновником особых поручений, и тоже был приведен старым декабристом к такой сепаратной присяге. Муравьев некоторое время присматривался к нему, давал разные поручения. Однажды, оставшись с ним наедине в своей канцелярии, он посмотрел на него особенным, глубоким, и, как показалось Воронину, растроганным взглядом и затем сказал:

– Молодой человек. Вот вы только начинаете жизнь, прямо со школьной скамьи. Вы – не из дворян. Ваши отцы были мужики. Хотите вы действительно послужить делу народа?

Удивленный и озадаченный этим необычным обращением сурового начальника, внушающего всем трепет, молодой чиновник ответил утвердительно. Муравьев поднялся с кресла, взял его за руку, подвел к иконе и заставил поклясться, что он будет служить народу, не отступая ни перед приманками, ни перед угрозами.

Воронин был уже старик, когда я с ним познакомился, но и по прошествии четверти века об этой минуте вспомнил с волнением...

Старый декабрист, очевидно, не вполне доверял устойчивости реформаторских течений, знал, что старое еще постоит за себя, и, кроме официальных сотрудников, вербовал для предстоящей борьбы своего рода членов тайного союза благоденствия.

К таким своим присяжным приближенным Муравьев и относился особенно. Для остального чиновничьего мира это была гроза» «При проклятом Мураше», – говорил А. С. Гацискому один из тогдашних чиновников, – «никто покоен не был. Того и гляди, бывало, ляжешь спать судьей, а проснешься свиньей» [15][16].

— Да, страшный был, — говорил тот же В. М. Воронин. — Хватка, понимаете, мертвая. Все в нем было необычайное какое-то, непривычное, приноровиться было трудно. Мужикам был доступ к губернатору чуть не во всякое время. В важных случаях — уводил ходоков в канцелярию и тут опрашивал часами. Потом, обдумав, начинает действовать.

Для характеристики муравьевской «мертвой хватки» Воронин очень одушевленно, почти художественно рассказывал разные эпизоды, которые я тогда же, к сожалению, слишком краткими чертами, набросал на клочках. Постараюсь восстановить здесь один такой случай.

Являются однажды ходоки от Н-ской волости (Воронин назвал одну из волостей, кажется, Семеновского уезда). Волость заволжская, богатая, промышленная. Завелись в ней издавна крупные злоупотребления. Застарелые, так сказать, освященные обычаем... традиции! При назначении в уезд, так и считалось: жалованья столько-то, ну, там, квартирные,

разъездные, да еще с Н-ской волости. Кроме уездных властей, перепадало и губернским чиновникам, и так эта традиция укрепилась, что никому и в голову не приходило посягать на нее. Куда там! Твердыня и только. Мужичишки и жаловались, особенно новым губернаторам, на всякие сверхъестественные побо­ры и растраты, да сами же всегда оставались виновны. Прослышав о Муравьеве, не в долгом времени по его назначению, опять посла­ли ходоков. Служили молебны, снаряжали, точно на войну. Знали уже по опыту, что дело это опасное.

Принял их «Мураш», долго и секретно бесе­довали. Потом зовет меня:

– Займитесь, молодой человек, рассмотре­нием дел по прежде бывшим жалобам мужи­ков Н-ской волости. Потребуйте из канцеля­рии делопроизводство. Через несколько дней спрашивает: – Ну, что? Разобрались? Поняли, в чем дело? – Нет; ничего не понял, ваше пре­восходительство. По документам, как будто, все правильно. – Ну, конечно, говорит, конеч­но.

Через несколько дней, так уже перед вече-

ром, прибегает за мной курьер. – Пожалуйста, срочно требует губернатор. – Бегу во дворец [17], у крыльца стоит уже тройка, запряженная в простой крытый тарантас: Являюсь. – Ну, молодой человек, собирайтесь в дорогу.

– Когда прикажете? – Сейчас прикажу. Видели: лошади уже поданы; со мной поедете. Сбегайте домой, захватите важнейшие бумаги по Н-ской волости и через двадцать минут чтоб уже были здесь. – Слушаю! Повернулся я, бегом пустился на квартиру, захватил кое-какие бумаги и оделся. Прибежал раньше, чем через двадцать минут. Смотрю: старик уже готов. Ни дать, ни взять – сибирский прасол.[18] Ничего сановного.

Сели в тарантас. – Куда прикажете ехать? – К перевозу через Волгу. – Подъехали к Борскому перевозу. Темнеет уже, дождь моросит, дело осенью. Паром на той стороне. Я было засуетился, хотел прикрикнуть: – Не знаете, дескать, кто дожидается! Но старик остановил: «Ничего, молодой человек. Подождем, люди небольшие!». Сидим в тарантасе, дождик на реку падает, паромщики не торопятся. Не узнали или прикидываются, каналы, что не

узнали, кто их там разберет. А только вернее, что прикидываются. Исправник орел был, молодчина. Давно уже прослышал, что и мужичишки-то нажаловались, и бумаги затребованы... Все бросил. Днюет и ночует на той стороне у перевоза, чтобы встретить, если командируют какую-нибудь внезапную ревизию. Сидим мы, вдруг эта лодочка от берега шасть... Через минуту уже и не видно – на середине реки! Я внимания не обратил, а старик высунул голову, смотрит вслед. Понимаете, молодой человек? – Никак нет, ваше-ство... Не понимаю. – Скоро поймете. Учитесь все понимать. Простота, молодой человек, хуже воровства!..

Подошел, наконец, и паром. Так же, не торопясь, ввели наш тарантас, двинулись мы за Волгу. Это был первый выезд не то и самого Муравьева, не то мой с Муравьевым. Не помню. Холодно, дождь под навес забивает, река черная. Тихо. Пароходов тогда было еще мало, да и время глухое. Подошел паром к берегу, свели нашу тройку. – Трогай! Только согласно приказу от такого-то числа, потрудитесь отправиться в свою канцелярию и ждать прика-

заний. Щелкнул бедняга каблуками в грязи, откозырял, повернулся и пошел. Скоро и колокольцы забрякали.

– Уехал? – говорит мой старик. – Ну, слава тебе Господи! Садитесь, молодой человек. По-едем и мы. Ямщик, валяй в Н-ское село...

Зевнул, перекрестился и, кажется, заснул...

Поздно ночью подъехали к волости. Соскочил я, стучу в запертую ставню. Долго не мог добудиться... Спят себе крепким деревенским сном, и не снится им, что гроза на носу. Наконец, засветили огонь. Кого, дескать, Бог принес?

– Отворяйте.

– Кто там?

– Губернатор!

Ну, легко представить, какой это произвело эффект. Писарь не знает, одеваться ему или так выскочить. Глаза безумные – все еще не проснулся, и душит его кошмар. Однако, ничего. Вошли мы. Старик поздоровался. Видит писарь, что тот на него не кидается, и даже на губернатора не похож. Ободрился. Самоварчик поставил, обогрелись мы. А уж тут и старшина явился. Стоит у двери, глядит

непонимающими этакими глазами, вздыхает.

После чаю, разумеется, предлагают его превосходительству отдохнуть: постели готовы. Утро, дескать, вечера мудренее. Я было, признаться, уже и потянулся. Хорошо ведь это, после долгой дороги, да по грязи, да в слякоть. А старик, как будто, и не замечает. – Ну, – говорит, – теперь, молодой человек, приступим к ревизии. – Господи, – думаю, – что это такое? Не прикажете ли, – говорю, – ваше превосходительство, отложить до завтра? – Нет, – говорит, – не прикажу. Приступайте к обозрению делопроизводства. Делать нечего. Разложил я на столе бумаги – принялся обзрывать. Тут и днем-то черт ногу ломит, а тут не угодно ли: ночью. Спать хочется. Сижую, хлопаю глазами, делаю вид, что читаю, листы переворачиваю. А он, злодей, закурил трубку. С длинным этаким чубуком трубку все, бывало, курит... И ходит из угла в угол, как ни в чем ни бывало... Еще посмеивается. Остановился, показывает на меня чубуком:

– Видите? – говорит. – Те вскинули на меня глазами и говорят: – Видим, ваше-ство. – Вот ведь, и молодой, а дока! Сквозь бумагу и то

все досмотрит.

И опять ходит... Вы только представьте, господа, эту картинку. У порога писарь и старшина стоят, поднятые со дна, точно трубой архангела. Я за столом, уткнулся в дела и строчек не вижу. Только бы носом не клюнуть. На дворе дождь все шумит этак томительно, часы тикают, сверчок свистит... Вздохнет кто-нибудь... А он все ходит. Остановится, посмотрит на писаря и старшину и опять зашагает.

И вдруг... точно промчалось что-то среди этой томительной тишины... Прокинулся я – сна как не бывало. Гляжу, стоит мой старик против двери, даже ростом выше стал. Глаза как свечки. Голос резкий, точно по железу ударяет:

– Ну, будет! Что тут играть. Все равно разберем. Говори прямо: воровали?

Писарь-бедняга, до сих пор как с креста снятый, тут вдруг будто даже обрадовался.

– Так точно, – говорит, – ваше-ство. Воровали. Искони-бе...

– Ну, вот и отлично. Поди, доказывай, в чем дело.

Кинулся писарь к столу, сам листы переворачивает, показывает мне, разъясняет... И даже старшина нет-нет, слово вставит. С меня и сон долой... Рука так и бегает по бумаге... Часа в три вся суть этих долголетних махинаций была как на ладонке.

К вечеру следующего дня, не заезжая в уездный город, опять были мы на перевозе. А там пошло: «Потребовать исправника! Потребовать того, другого...» Началась переборка, пошел по губернии трезвон: новый губернатор в один день раскопал всю Н-скую твердыню, стоявшую, можно сказать, с незапамятных времен... Да, вот какой был наш старик. Резвый... Одно, два, понимаете, таких дела – по канцеляриям пошла паника. Ужас почти суеверный. «От проклятого Мураша», дескать, не скроешься. Все видит насквозь... Ну, а так как, известно, кто Богу не грешен, царю не виноват, то всякий только молит Господа: помилуй и заступи! Все, дескать, под Мурашом ходим. Зато уж – приказал... из кожи вылезут. Мы, молодые чиновники, за совесть, по клятвенному обещанию. Старые служаки – из страха. Знают, что Мураш своими зоркими

глазами видит их насквозь и, значит, чуть что... Кончено!»

Образ, который рисуется в этом рассказе современника, выступает в таком же виде и в «Муравиаде». Автор дворянской сатиры свидетельствует, что ненавистный Мураш действовал так же неожиданно и в других случаях, когда приходилось иметь дело не с одними писарями. Вскоре, ознакомившись с положением дел, он —

*по всем ведомствам
Верхушки стал ломать
И камуфлеты ловкие
Сюрпризом задавать...
— Помещиков, сановников
Всех гонит наш кащей
И душит он чиновников,
Как жирный кот мышей.*

Но, разумеется, старый крамольник, которому, вероятно, надоело гоняться за хищниками в Сибири и Архангельске, не затем попросился опять на гражданскую службу, чтобы играть роль кота в чиновничьем подполье. Он только готовился таким образом к предстоящей реформе, которая должна была

повернуть в корне самые устои дореформенного порядка... Ему нужно было укрепиться, сосредоточить в своих руках всю власть. И скоро это было достигнуто. – То диво ль, – с горечью спрашивает автор «Муравиады», —

*– что полицию.
Имущества, удел,
Финансы и юстицию
Дед все к себе поддел.*

И далее:

*...к несчастью, – это так:
Давно уж всю губернию
Зажал наш дед в кулак.*

Теперь у старого заговорщика все уже было готово для генеральной битвы...

IV

Известно, что император Александр II, готовясь нанести удар главнейшей из дворянских привилегий – владению людьми – в то же время желал непременно, чтобы дворянство само потребовало этой реформы. Так порой родители, придя к убеждению, что любимому ребенку необходима операция, стараются убедить его, что, в сущности, и сам он желает, чтобы ему сделали больно. Дворянство не очень-то желало, чтобы ему сделали больно, и дворянская Россия молчала, не понимая очень ясных намеков.

Наконец, в октябре 1857 года в Петербург прибыл виленский ген.-губернатор Назимов и привез довольно скромное по существу ходатайство дворян трех литовских губерний: виленской, гродненской и ковенской. Хотя по этому проекту освобождение предполагалось без земли, и заявление исходило от поляков, но все же в Петербурге схватились за него, как за первое открытое выражение «дворянских желаний». Последовал исторический рескрипт на имя Назимова, разосланный затем

при циркуляре министра внутренних дел Ланского через губернаторов всем предводителям дворянства русских губерний.[19] Ждали, что великорусское дворянство, в свою очередь, поддастся патриотическому порыву...

От этого зависело многое. Если бы это не удалось, кто знает, решился бы Александр II на эту тяжелую операцию.

«Первоначальное впечатление циркулятора от 24 ноября, – писал Муравьев Ланскому, с которым состоял в деятельной переписке, – заключалось в общем недоумении. Дело было слишком новое, никто его не ожидал в такой скорости.[20] Пока большинство пребывало в этих недоуменных чувствах, дело, как это бывает часто, решил героический порыв небольшой кучки. В Нижнем в то время была либеральная группа дворян-ополченцев, вернувшихся из похода, наслушавшихся в Москве пылких речей славянофилов. На губернском собрании 17 декабря эта молодежь, выслушав прочитанный предводителем рескрипт Назимову, закричала, что дворяне «желают не только улучшить, но и покончить навсегда с крепостным правом». Эти же ополченцы-дво-

ряне, не дав опомниться другим, тотчас же составили постановление, заставили подписать его и избрали А. Х. Штевена для поднесения своего акта отречения государю.[21]

Так рассказывает об этом моменте в своих воспоминаниях один из участников, дворянин Н. И. Русинов.[22] «Все это, – продолжает он, – было делом чуть не минуты». Прямо из собрания восторженно настроенная молодежь явилась с копией адреса к Муравьеву. Это было в три часа ночи. Русинов говорит, что «старый революционер, как его втихомолку называли, громко зарыдал». В ту же ночь, с 17 на 18 декабря, он экстренно отправил правителя канцелярии Разумова в Москву, чтобы сообщить о событии телеграммой (в Нижнем телеграфа еще не было). А на следующий день спешно выдал Штевену курьерскую подорожную и всеми мерами спешил отправить его в Петербург с подлинным постановлением. «Тогда только, – прибавляет Русинов (то есть, увидев радость «старого революционера» и его торопливость), – многие и многие почесали свои затылки, но было уже поздно...[23]

Дело было сделано. В Петербурге тоже торопились ковать железо, пока горячо, и уже 24 декабря, т. е. накануне Рождества, в Сочельник, был подписан высочайший рескрипт нижегородскому дворянству на имя губернатора. Он пришел в Нижний на святках, и 1-го января нового 1858 года губернатор препроводил его губернскому предводителю, разумеется, со всякими поздравлениями. Таким образом, в виде новогоднего подарка, старый декабрист поднес дворянству приятное признание, что оно первое заявило желание не только улучшить, «но и совсем уничтожить» крепостное право.

Плотина была прорвана, пауза кончилась. За нижегородским адресом последовали другие... Во исполнение этих «горячих желаний» самого дворянства, стали один за другим возникать «комитеты».

И вместе с этим патриотическое одушевление схлынуло, уступая место отрезвлению. Едва начались заседания нижегородского губ. комитета под председательством либерального предводителя Болтина,[24] едва комитет, так сказать, по инерции, составил несколько

пунктов своего проекта, более или менее «согласно с видами правительства», как поднялась резкая оппозиция большинства. Все предложения «либералов» были отвергнуты, и Болтин увидел себя вынужденным уступить председательство представителю реакционного большинства Я. И. Пятову.[25]

Таким образом, дворянство, «первым откликнувшееся на великодушный призыв монарха», теперь первое ударило отбой, и к нему обратились взоры всех крепостников России. С Пятовым заодно оказались теперь многие, радостно кричавшие «ура» и украсившие своими подписями первый адрес. Впоследствии те же подписи стояли под проектом контрадреса, где «отречение» объяснялось непониманием значения реформы и зложелательностью некоторых дворян к своему сословию.

Положение Муравьева стало очень трудным. Пятов в дворянстве был человек новый, выскочка, до тех пор не пользовавшийся особым значением. Но за ним стояла фигура, гораздо более значительная и опасная: Сергей Васильевич Шереметев.[26]

Это имя памятно еще и до сих пор в Нижегородском крае. Спускаясь на пароходе вниз по Волге от Нижнего к Василь-Сурску, на левой луговой стороне можно видеть издали грузные постройки довольно мрачного вида. Это шереметевское имение Юрино. Бели вы спросите о нем какого-нибудь старого лоцмана, он расскажет вам, что это место называлось в старину «Шереметевской Сибирью». Дом, который теперь виднеется над заволжскими лугами, сравнительно новый. Прежде здесь было нечто вроде феодального замка, впоследствии сгоревшего. Над этим пепелищем носят до сих пор мрачные рассказы о казематах и даже подземельях, в которых томились шереметевские ослушники. Полиция едва смела показываться в шереметевских

владениях, и никто не мог вмешиваться в отношения Шереметева к его рабам.

Главные имения С. В. Шереметева были в другом месте – село Богородское с прилегающими 28-ю деревнями. Богородское и теперь славится кожевенным производством, которое повелось там исстари, и шереметевские крепостные, народ предприимчивый, промышленный, жили зажиточно. Они купили, на имя помещика (еще отца или деда Сергея Васильевича), собственную землю, некоторые из них гоняли по Волге баржи, торговали кожами, хлебом и лесом. Большая часть, из них жила на оброке, выплачивая помещику, огромные платежи за право торговли и промыслов. В делах нижегородской архивной комиссии есть окладные книги седа Богородского за 1858 год, из которых видно, что девять таких крепостных платили в год оброка от 500 до 1500 рублей, 24 человека от 200 до 375, сто человек до 95 рублей... Устанавливалось это понемногу, и можно думать, что при прежних Шереметевых суровый режим казался все-таки переносимым. Это было настоящее царство патриархального феодализма.

Получая огромные доходы, владельцы проявляли некоторую заботу о своих «оброчниках»: в Богородском был доктор, аптека, богадельня для престарелых с отделением для рожениц, три школы.[27]

В переходное время отношения всегда обостряются. Мрак часто сгущается перед рассветом, привидения снуют перед криком петуха. Сергей Васильевич Шереметев под влиянием толков о воле, которая, конечно, должна была прекратить эти источники небывалых доходов, задумал сразу выжать из своего владельческого права все, что возможно, хотя бы и путем полного разорения крестьян. Он выработал план «добровольного выкупа», назначив за каждый рубль оброка по 25 рублей выкупной суммы. По этому плану с одного, например, богатого крестьянина помещик должен был получить 38.250 рублей. Совершенно понятно, что крестьяне «оказали упорство» и от добровольной сделки отказались. Тогда Шереметев созвал выборных, которые в шереметевских вотчинах назывались «думчими», и потребовал, чтобы они подписали акт соглашения от лица всех. Думчие тоже отка-

зались. Шереметев пришел в совершенное неистовство: он лично избивал упрямецев, отсылал их на расправу к станovým, сажал в тюрьмы, сдавал в рекруты и ссылал в свою Сибирь, Юрино, захватывая на месте дома и усадьбы ссыльных.

Призрак умирающего крепостного строя встал перед зарей над шереметевскими владеньями, кидая, свою мрачную тень на весь край, наводя ужас на одних и ободряя других. Губерния наполнилась чудовищными рассказами, воплями, жалобами. Было известно, что Шереметев «лично известен», что при дворе у него огромные связи, близкая дружба с Адлербергами[28] и другими высокопоставленными противниками реформы. Его пример ободрил остальных. Пошли слухи, что «правительство переменяло намерение, все останется по-старому». Члены губернского комитета перестали собираться, надеясь сбить все эти проекты измором. Когда же Муравьев объявил, что постановления комитета будут считаться действительными, при наличии хотя бы трех членов, то комитет возобновил свои заседания, но вскоре приняв решение –

«уничтожить все доселе сделанное и начать всю работу снова на началах выкупа личности...»

Муравьев почувствовал, что наступает решительная минута, и выступил против Шереметева. Понятно, с каким захватывающим вниманием все следили за исходом этой борьбы бывшего декабриста с властным крепостником. Молва еще усиливала драматизм этой схватки. Говорили, будто 14 декабря, когда Муравьев стоял на площади вместе с бунтовщиками и, когда исход восстания был еще сомнителен, Шереметев, тогда еще молодой артиллерист, первый направил в бунтовщиков пушечный выстрел, решивший дело. Это, разумеется, была фантастическая легенда, но она придавала борьбе особую окраску: верный царский слуга и усмиритель бунта отстаивал интересы крепостнического дворянства; бывший заговорщик, участвовавший в умысле на цареубийство и бунтовщик стоял за дело крестьян и реформы...[29] Легко представить себе; что было бы с Муравьевым при такой постановке вопроса в наше время.

Тогда не так боялись страшных слов, но

все же положение Муравьева поколебалось. Ланской, человек убежденный и искренно связавший свою судьбу с делом реформы, находил все-таки, что декабрист-губернатор действует слишком круто. Муравьеву все казалось просто: он принимал крестьян, выслушивал их жалобы и обещал защиту. Большинству комитета грозил даже народной мстью. «Прошу размыслить о том, – писал он, – что укор в сопротивлении высочайшей воле может быть произнесен тем сословием, над устройством быта которого дворянство трудится. Страшно может выразиться приговор и пробуждение народа, признавшего себя по произволу лишенным права и надежды выкупом приобрести то, что ему всенародно обещано словом монаршим».[30] Что же касается Шереметева, который все усиливал свои жестокости и к этому времени затеял захватить в свои руки все вотчинные бумаги, то губернатор послал в Шереметевскую столицу своих чиновников, и они (дело небывалое) в центре его владений опечатали бумаги. У Ланского Муравьев требовал немедленного назначения формального следствия над Шеремете-

вым, чтобы сразу сломить центр крепостнического упорства, причем указывал даже и следователя, вице-губернатора, «на которого одного можно положиться».[31]

Противники тоже не остались в долгу. Комитет составил постановление, в котором жаловался, что бумага губернатору не что иное, как «слово и дело, официальной властью пущенное в народ» и угрожающее страшными последствиями. Шереметев прямо обвинял губернатора в подстрекательстве к бунту. Жалуясь на печатанье вотчинных бумаг, он писал ядовито, что «это, как известно, делается только с государственными преступниками, к числу которых я не могу быть причислен... В роде Шереметевых (мы все гордимся этим) изменников никогда не бывало и, с Божьей помощью, не будет», а «подстрекание крестьян к бунту вряд ли может обеспечить общественное спокойствие... В таком случае строгой ответственности должны подвергаться не крестьяне, а те, которые их поджигают»... Еще яснее: «те злоумышленные люди... которые, пользуясь своим влиянием и властью, побуждают их к противозаконным действиям».[32]

Влияние Шереметева в высших кругах было так сильно, что Ланской не посмел своей властью поддержать губернатора. Он доложил обо всем Государю, и 28 марта Муравьев получил извещение: по высочайшему повелению в Нижегородскую губернию командирится флигель-адъютант гр. Бобринский[33], который должен истребовать у Шереметева объяснений и, «если окажется нужным, убедить его к прекращению неблагоприятных действий».

Граф Бобринский и понял, и исполнил поручение очень своеобразно. На свою миссию он посмотрел, как на командировку для приведения шереметевских крестьян к повиновению. Приехав в Богородское, он вскоре известил Муравьева, что крестьяне к повиновению приведены, «чему лучшим доказательством служит то, что перед отъездом моим они служили молебен за милости, оказанные им помещиком». Сами милости состояли в том, что Шереметев обещал сбавить по 25 копеек с оброчного рубля.

Игра старого декабриста казалась проигранной. Шереметев торжествовал, и, конеч-

но, вскоре крестьяне почувствовали, что его рука стала еще тяжелее. Дворянство шумно ликovalo, и демонстративно проводило Бобринского обедом, на котором произносились тосты и речи со всякими намеками. Надежды на то, что правительство «переменило намерения», росли. Могло казаться, что и вся реформа сведется к «шереметевской милости».

VI

Все, что я написал до сих пор, основано на достоверных письменных материалах и документах. Теперь, при описании заключительных актов борьбы крамольного губернатора с его противниками, мне придется прибегнуть к рассказу уже упоминавшегося раньше В. М. Воронина.

Должен сказать, к сожалению, что в некоторых чертах рассказ этот имеет характер почти легендарный, и я не решился бы стоять за его историческую точность во всех деталях. Но все же это, во-первых, рассказ современника и очевидца, а, во-вторых, сам по себе он чрезвычайно характеристичен и рисует во весь рост фигуру Муравьева. Если кое-что и было бы опровергнуто фактически, то легенде нельзя отказать в большой колоритности и своего рода художественной правде.

Несколько слов о самом рассказчике. Я познакомился с ним в 80-х годах истекшего столетия, поселившись в Нижнем после своей ссылки, и сначала он казался мне самой заурядной, неинтересной обывательской фигу-

рой.

Происходил из мещан. Отец – мелкий доверенный по откупу; сына определили в гимназию, где тот учился с А. С. Гациским и П. Д. Боборыкиным.[34] Затем юноша поступил в Демидовский лицей, по окончании которого определился на службу чиновником особых поручений.[35] После этого, в конце шестидесятых и в семидесятых годах, служил на разных должностях, в том числе даже и по полиции. Как исправник считался полицейским старого типа: рукоприкладствовал и по уезду возил с собой верзилу десятского, известного чисто физическими дарованиями: огромным ростом и пудовыми кулаками. Взятки, кажется, не брал или, если и касался, то без излишества, ниже, так сказать, среднего исправнического положения. По крайней мере, когда умер, то имущество оставил умеренное. Отличился на службе поимкой некоего Рузаева, долгое время свирепо и дерзко разбойничавшего в окрестностях Нижнего, и считавшегося неуловимым. Рузаева расстреляли в поле за острогом – происшествие тогда редкое и страшное, о котором долго вспоминали старо-

жилы, соединяя имя расстрелянного с именем удалого исправника Воронина. Рузаева зарыли там же, в поле, над оврагом. А Воронин подвинулся по службе. Получив чин статского советника и орден Владимира, сын бывшего доверенного по откупам стал и сам нижегородским дворянином, чем очень гордился.

Выйдя в отставку, служил по выборам мировым судьей, был гласным, вступал на этой почве в разные союзы и конфликты, Особую идейную руководящую нить в этих земско-политических комеражах[36] Воронина заметить было трудно. Одни и те же лица бывали попеременно то его союзниками, то врагами. Выдвинул его некто Андреев,[37] человек сильный, ловкий, бессовестный, по убеждениям крепостник, по нравственному складу хищник и растратчик. Одно время Воронину показалось, что Андреев зарвался слишком неосторожно, и он попытался свалить его на выборах, нацелившись на его председательство. Расчет оказался ошибочным. Времена не назрели, хищническая звезда уездного генерала стояла высоко. Андреев уцелел еще на

несколько лет, и сильной хваткой выбил заговорщика из позиции, провалив на все выборные должности. После этого бывший исправник перешел в оппозицию, выступал, где мог, против своего бывшего покровителя. Дворянская ретроградная партия его ненавидела. Либералы принимали: это был все таки «выборный голос» и притом человек ловкий, знавший отлично слабые стороны противников. Бывал он и на предвыборных совещаниях, и запросто на карточных вечерах. Рассказывал разные любопытные случаи из дворянского и мещанского быта, которые собрал за время своей полицейской службы, ненавидел дворян двойной ненавистью: как бывший мещанин, и как новый дворянин, выскочка, отвергнутый дворянской средой. Однажды, получив афронт на каком-то торжественном дворянском обеде (где для него «случайно» не поставили прибора), довольно громко назвал губернского предводителя «жбанной затычкой». Вообще фрондировал.

В этот период я с ним и познакомился в среде, которая мне в Нижнем была наиболее близкой. Мои нижегородские знакомые, хо-

тя и водились с Ворониным, как с бывшим школьным товарищем и нынешним союзником, но «своим» его не считали, памятуя и его исправническое прошлое, и десятского с природными физическими дарованиями, и то, что на земской службе он дебютировал под покровительством Андреева... Вообще это были отношения «тонкие», такие, при которых чувствуется, что могут встретиться всякие новые перевероты, и неизвестно еще, какая сторона этой «сложной натуры» определится, как коренная и настоящая. Будет ли это демократ, ненавидящий нынешних вершителей губернских судеб (это несомненно в нем было), или же, наоборот, воспрянет бывший полицейский, обогащенный опытом за время своего пребывания в либеральном стане.

Наружности Воронин был довольно типичной. Среднего роста, с расположением к округленности, но не рыхлый, волосы стриг ежом, подстригал седую бороду и отпускал усы. Костюмы носил широкие, из солидного материала, по большей части в крупную клетку. Был подвижен, говорил оживленно, либеральничал желчно и несколько беспо-

койно: желчь была настоящая, беспокойство истекало из инстинктивного сознания, что искренности его либерализма, быть может, не все верят.

Одним словом, фигура, каких и в «затишные» восьмидесятые годы, и в наше время можно встретить немало, т. е. полинявшая и неинтересная. Однако...

В жизни почти каждого человека есть свой героический период. И, как бы далеко впоследствии превратности жизни или, еще чаще, ее тихое течение не унесли его от прежних путей, он будет постоянно возвращаться мыслью к этому периоду. Будет вспоминать о нем, будет о нем рассказывать, будет, может быть, слегка украшать его и расцвечивать. И в такие минуты такой человек преображается: из-под будничного житейского налета просвечивает что-то далекое, необычное, точно отсвет далеких праздничных огней.

Был такой именно период героический и в жизни Воронина, и относился он к тому времени, когда прямо со школьной скамьи он попал в чиновники особых поручений к губернатору-декабристу. К сожалению, он не писал

мемуаров, а только по временам рассказывал разные эпизоды этой; своей ранней службы. Рассказывал с любовью, с увлечением, вспыхивая и вдохновляясь. И каждый раз это было не простое повторение, а своего рода творчество; он постепенно обрабатывал детали; как поэт совершенствует черновые наброски поэмы, пока она не приобретет художественной законченности. В такие минуты, Воронина можно было заслушаться. Забывалось и последующее исправничество, и десятский с природными дарованиями, и сомнительные земско-дворянские союзы. Полинявший человек становился поэтом, воспевавшим свою молодость и своего героя. Правда, быть может, именно вследствие этого одушевления некоторые детали этой поэмы не вполне совпадают с официальными реляциями о тех же событиях. Впрочем, кому неизвестно, что официальные реляции часто тоже являются продуктом творчества, только в направлении обратном: там, где поэзия стремится расцветить и украсить жизненную правду, реляция иссушает ее, превращая в сухой остов. И очень может быть, что поэма Воронина о ца-

ре и декабристе не дальше от исторической истины, чем официальные отчеты Правительственных Вестников... Я постараюсь, как могу, восстановить ее, без всякой, впрочем, надежды сравняться с устным оригиналом...

VII

Однажды, придя к своим знакомым, я застал там целое общество, центром которого был опять В. М. Воронин со своими рассказами о Муравьеве. Он был особенно в ударе: рассказы касались побед его героя в трудной борьбе.

В августе 1858 года Александр, как известно, предпринял поездку по губерниям средней России, чтобы оживить движение реформы. В различных городах, принимая представителей дворянства, он произносил речи, в которых призывал дворян к содействию.[38]

Появлению государя в Нижнем предшествовали самые противоречивые толки. В конце июля получено было предписание Ланского, в котором сообщалось высочайшее повеление, неблагоприятное для реакционного большинства комитета: Пятову, позволившему себе в изложении своего отзыва неуместные выражения, оставить строгий выговор. Меньшинству изъяснялось высочайшее благоволение. «Дворянам же, подписавшим ни с чем не сообразное мнение Пятова, сделать

строгое замечание». Эти последние слова Государь на докладе Ланского написал собственноручно.[39]

По-видимому, ни эта резолюция, ни речи, которые Государь произносил в разных городах, направляясь к Нижнему, не могли обещать ничего хорошего реакционерам. Но вместе с тем было известно, что крепостническая партия при дворе не сдавалась, и Ланской уже просил у Государя отставки по вопросу о введении генерал-губернаторов. Отставка не была принята, но Государь сделал на докладе Ланского несколько гневных замечаний. Шереметев и нижегородские крепостники получали ободряющие письма. Муравьев, по словам Воронина, одно время стал мрачен. Потом, получив письма Ланского, переменился. Для посторонних эта перемена не сказалась ни в чем, но мы-то, близкие, говорил Воронин, видим: в глазах у старика забегали какие-то огоньки... Значит, можно думать; готовится какая-нибудь неожиданность.

А все-таки... положение было сомнительное. Все время носились, как вихри, самые различные слухи, и каждый день могло по-

вернуться по-иному... Газет тогда было мало, известия о высочайших приемах и речах сначала печатались в официальных органах и потом уже развозились в провинцию. Частные письма и приезжие, как это бывает всегда, распространяли самые противоречивые слухи.

Наконец, 18 августа царский поезд появился в виду Нижнего и переправился через Оку. «Дворец» наполнился блестящей придворной свитой. Утром 19-го предстоял в большом дворцовом зале прием дворянства.

Зал уже заранее стал наполняться: кто только мог приехать из самых дальних уездов – все, конечно, явились: случай увидеть Государя, да еще в такую историческую минуту, представляется нечасто. Скоро в зале стало тесно от дворянских мундиров. Особенно выделялась фигура Шереметева. К нему подходили, жали руки, с тревогой или надеждой смотрели ему в глаза. Вид у Шереметева в это утро был самоуверенный и великолепный.

– Потом вышел и «старик», – рассказывал Воронин. – Посмотрел я на него – сердце так и упало: узнать нельзя, сторбился, опустился

весь, даже ростом стал меньше. Точно его в эту ночь расшибло параличом, и он едва поднялся, чтобы встретить Государя. А после, дескать, хоть в могилу. Идет, на палочку опирается. Велел поставить себе стул к стенке, недалеко от входа, сел, опустил голову на пошок... Чисто сирота казанская. Мы, муравьевцы, стали около него, как отверженные. Что будет? Только раз подозвал меня старик распорядиться о чем-то, по надобности, и встретился я с его глазами. Яйцо удрученное, а в глазах огонь бегаёт...

Нет, думаю, что-нибудь не так. Что-то, должно быть, знает.

Вернулся я – в зале становится тише. Скоро Государь должен выйти. Один за другим входят светские. И как войдет, взглянет кругом – сейчас к Шереметеву. Все ведь друзья старинные, приятели – всякий прежде всего к нему и подходит. Губернатора на стульчике у двери никто не замечает. Адлерберг,[40] великолепная тоже фигура, огромного роста, весь в регалиях, кажется, им заметил, но посмотрел этак вскользь сверху и тоже прошел к Шереметеву. Кругом Сергея Васильевича сразу точ-

но цветущий остров образовался: эполеты, ленты, звезды, живой, веселый разговор, французские фразы, со всеми почти на ты. Одним словом, потентат,[41] так сказать, олицетворение силы... Ну, а вокруг нашего старика – пустота. Подойдет кто-нибудь из «либералов», поздоровается с озабоченным этаким видом и отходит... Вдруг все затихло. «Государь!..»

Стал в дверях. Молодой, красивый, точно в сиянии каком-то. Бросил быстрый взгляд и увидел «старика». Тот – все так же, расслабленный, незначительный, при самом уже входе Государя, поднялся со стула. Царь сделал несколько шагов и, остановившись против него, спросил:

– Это у вас крест за что?

– За сражение при Кульме, Ваше Величество.

– Вы были ранены? Вам трудно стоять? Пожалуйста, садитесь.

И потом повторил опять милостивым, но настойчивым голосом: «Садитесь!» Старик с таким же убитым и покорным видом сел. В зале наступила такая тишина, что можно бы-

ло слышать полет мухи. Государь повернулся
и начал речь...

VIII

Речь Александра II в Нижнем Новгороде, как она напечатана в официальных изданиях, теперь звучит довольно бледно.

«Господа. Я рад, что могу лично благодарить вас за усердие, которым нижегородское дворянство всегда отличалось. Где отечество призывало, там оно было из первых. И в минувшую тяжкую войну вы откликнулись первыми и поступали добросовестно: ополчение ваше было из лучших. И ныне благодарю вас за то, что вы первые отозвались на мой призыв в важном деле улучшения крестьянского быта. По этому самому я хотел вас отличить и принял ваших депутатов... Вы знаете цель мою – общее благо. Ваше дело – согласить в этом важном деле частные выгоды с общей пользой. Но я слышу с сожалением, что между вами возникли личности. А личности всякое дело портят. Это – жаль. Устраните их. Я надеюсь на вас, надеюсь, что их больше не будет, и тогда это общее дело пойдет... Я полагаюсь на вас, я верю вам, вы меня не обманете... Путь указан, не отступайте от начал, изло-

женных в моем рескрипте...»[42]

И затем – несколько заключительных фраз в том же роде...

Так передана эта речь в официальных отчетах, но в изложении Воронина она звучала совершенно иначе.

– Да, что тут говорить, – горячо отмахнулся он, когда кто-то из присутствующих напомнил, что речь была напечатана в Губернских Ведомостях, и текст ее есть у А. С. Гациского. – Что там официальные отчеты! Небо и земля. Напечатано, как было заранее заготовлено, а Царь говорил не по их бумажкам. До сих пор вот... Закрою глаза – вижу эту фигуру. Прямой этакой, голова откинута, брови сжаты, и каждый звук летает в затихшем зале, точно в колокол бьет.

Дойдя до того места, что вот все шло хорошо, царь остановился. Стало еще тише; недохнет никто. Точно вот всем сейчас с крутой горы спускаться. Ждут, что-то будет за этой паузой. Прошла, может, секунда, другая, а поверите, мне показалось, что прошел час...

Вдруг, выпрямился еще больше, брови сдвинулись...

– Теперь узнаю, что среди вас завелась... измена...

Пролетело это слово, как гром среди ясного неба... И весь зал, все мундирное и расшитое дворянство повалилось сразу на колени... А над коленопреклоненной толпой неслись слова царской речи, возбужденные, гневные...

Кончил, повернулся и вышел...

И как только вышел, дворяне, как один человек, кинулись к Муравьеву, который под конец речи встал со своего стула, даже роль свою забыл. Кругом поднялся гул: – Ваше сиятельство! Верните Государя! Уверьте его: здесь нет изменников... Мы все готовы... Ваше сиятельство... Дворянство вас умоляет...

Но старик опять опустил плечи, одряхлел и стал меньше ростом. Махнул рукой. Помолчал минутку, потом покачал этак прискорбно головой и говорит:

– Нет, господа! Не могу. Не решаюсь... Подумайте сами: как мне теперь явиться к государю на глаза? У меня... в губернии... измена! Господи Боже!

Опять поднялись крики и просьбы. Старик

опять махнул рукой... Гляжу, в глазах искорки так и бегают, бегают...

– Ну, что делать... Для вас, господа, попробую.

Посмотрел в толпу, наметил несколько «своих» из меньшинства разгромленного комитета, и говорит:

– Прошу вас, господа, ко мне, надо посоветоваться. А вы, господа, погодите. Я сейчас...

Через несколько минут возвращается, совсем убитый, еще более сторбившийся, чем прежде, и говорит почти шепотом:

– Нет... Не м-могу. Государь в страшном гневе... У себя... Может быть, отдыхает. Скоро депутация от горожан и крестьян. Теперь вам всего лучше на время уйти. Поезжайте в свое собрание, ждите там, а я, может быть, осмелюсь... Сделаю, что могу.

Потом повернулся ко мне глазами и говорит:

– А пока, чтоб не тревожить Государя, молодой человек! Проводите, пожалуйста, господ дворянство по другой лестнице... Знаете?

У меня по спине даже мурашки прошли... Ведь это, значит, мне придется проводить их

черным ходом. Посмотрел я на старика умоляющим этаким взглядом: дескать, что вы со мною-то делаете?.. Но встретился с его глазами: вижу – ничего не поделаешь – встал. Повернулся я, ни жив ни мертв: «Пожалуйста, господа».

И повел. Вы, господа, знаете этот ход? Дворец – постройка довольно старая: с лица – парад, широкая лестница, колонны, а с изнанки – теснота, темнота, вообще весьма непривлекательно. Иду впереди, дворяне, ошеломленные, еще ничего не соображающие – за мной. Поверите, как стал спускаться с лестницы впереди этой толпы – ощущение такое, будто валится на меня обвал какой-то, лавина. Сейчас вот хлынет и задавит. И прямо за собой слышу грузные шаги... Шереметев. Дошли до половины лестницы – смотрю чья-то рука, большая, сильная схватилась за перила... Дрожит, и перила дрожат. Оглянулся я: Шереметев стоит, покачивается. Вот-вот – кондрашка. И говорит сквозь стиснутые зубы:

– Кат-торжник... Проклятый!..

В этом месте своего рассказа Воронин, иллюстрировавший его очень выразительными

жестами, остановился в волнении. Было ли это волнение от воспоминания действительно пережитой минуты, или это было волнение «творчества» – сказать трудно. Никогда больше я не слышал подтверждения этой драматической легенды, изображающей как бы апофеоз «демократического самодержавия». И нигде она не встречается в письменных мемуарах. Несомненно только, что Воронин в ту минуту верил в свои видения или воспоминания, и мы, его слушатели, верили тоже. Все было здесь закончено, цельно, согласованно. Вопрос о Кульмском кресте, забвение освободительных увлечений из-за освободительных заслуг есть указание, что настоящая измена – в кознях против великого дела свободы...

В конце концов, более чем вероятно, что этого не было, по крайней мере, в такой полноте... Что, загораясь воспоминаниями о героическом периоде своей жизни, Воронин черта за чертой создавал свою легенду и, в конце концов, завершил апофеозом самодержавия, твердой рукой, в сознании своей силы и власти, направлявшего дело освобождения через рифы сословных и иных препятствий... Хотя

несомненно также, что в период великой реформы еще мелькали эти черты измечтанного славянофилами самодержавия... И что без них колесо истории повернулось бы иначе... К худшему или к лучшему, но – иначе...

IX

То, что Воронин рассказывал дальше, опять может быть слегка приукрашено фантазией, но в главном совпадает с фактами, установленными местной историей. Комитет был восстановлен, либеральное меньшинство вновь приобрело значение в союзе с прогрессивной администрацией. Но в жизни продолжалась борьба упорная, страстная. Шереметев не сдавался. Надежды остановить ход надвигавшейся катастрофы не умирали. В народе росло нетерпение и глухие темные вспышки. Исправники и становые почти не жили в своих квартирах, то и дело вызываемые жалобами помещиков на непокорство и бунты. Нет сомнения, что если бы в то время существовало могучее орудие нынешних ретроградов – провокация, то вскоре на место освобождения с землей выступил бы лозунг: «прежде успокоение»...

Но провокации не было, а народное нетерпение, глухое и темное, сдерживалось надеждой. Несмотря на жалобы помещиков, недвусмысленно обвинявших декабриста-губерна-

тора в подстрекательстве, в Нижегородском крае народных вспышек и бунтов было менее, чем где бы то ни было... Особенно жестоких помещиков начали удалять из имений...

Однажды, уже в 1859 году, Муравьев опять перед вечером позвал Воронина. У крыльца стояла наготове почтовая тройка. Губернатор ждал в своем кабинете и при входе Воронина запер дверь.

– Ну, молодой человек, послужите. Садитесь к столу. Вот подорожная. Впишите в нее свою фамилию... с будущим. Теперь возьмите вот этот приказ. Впишите фамилию: «тайный советник Сергей Васильевич Шереметев».

Это был приказ губернскому секретарю Воронину отправиться немедленно в село Богородское и, предъявив тайному советнику Сергею Васильевичу Шереметеву, на основании ст. такой-то, распоряжение министра внутренних дел за номером таким-то, предложить немедленно с ним же, Ворониным, прибыть в Нижний Новгород, где и проживать безвыездно.

Воронин дрожащей рукой вписал грозную фамилию и спросил:

– С кем прикажете мне отправиться?

– Одному.

– Ваше превосходительство... – взмолился бедняга.

– Ну, что?

– Как же это... Кто он, а кто я?

– Он – тайный советник Шереметев, а вы – чиновник, исполняющий поручение.

В глазах его засверкал огонек, и он прибавил:

– Вы поедете один, чтобы не огорчать его превосходительство излишней оглаской. Не бойтесь, молодой человек, не бойтесь. Я вам говорю: поедет. Ну, а...

И глаза Мураша загорелись...

– Поезжайте с Богом. Надо служить, молодой человек. Я на вас надеюсь.

По правилам следовало сообщить жандармской власти и требовать содействия. Но, так как были примеры, что жандармский полковник затягивал свой отъезд, а под рукой предупреждал приятелей-помещиков, то Мураш приказал своему чиновнику выехать немедленно, не дожидаясь «содействия». Извещение жандарму было послано уже перед

утром.

– Никогда не забуду этой ночи, – говорил Воронин.

– Струсили? – спросил один из слушателей.

– Подите вы! Как тут не струсить... Правду сказать: проклинал Мураша. Ему что. Игра у него крупная, и козыри в руках... А мне какво! Вот, думал в клуб сходить, в картишки переметнуться, потом в постель. А тут – не угодно ли. Ночь, темнота, колокольчик. И как подумаю, что придется одному, с мужиком-старостой явиться перед грозным взглядом магната... Брр... пропал ты, думаю себе, Василий Михайлов ни за грош. Где тебе, губернскому секретаришке, этакий дуб голыми руками вырвать... Ну, а все-таки не ослушаешься. Не доезжая до села, велел колокольцы подвязать, потом разбудил старосту, подъезжаем к барскому дому. – Кто такой? Что нужно? – По указу его императорского величества! Сначала не смели и подумать будить барина, но я настоял. Самому, положим, страшновато, но за спиной чувствую Мураша. Подняли. Семья уже поднялась, дворня... точно муравейник, растревоженный среди ночи... Вышел мрач-

ный, осмотрел меня с ног до головы. Жутко, но все-таки взгляд выдержал, подаю бумаги. Взял он, распечатал пакет и опять, как тогда, на лестнице, схватился рукой за стол. Закрыв глаза, лицо то краснеет, то бледнеет. И опять слышу: «кат-торжник проклятый»... Так прошло с минуту... Я стараюсь храбриться, вспоминаю про Мураша, а чувствую, точно над мной скала повисла. Вот-вот обрушится. Вдруг Шереметев раскрыл глаза, точно от сна очнулся... «Едем!» И сразу опустился, как Мураш перед царской речью. Мешок мешком! Собираться даже не стал, сам торопит. Снарядили его домашние наскоро, одели... Вышли мы, сели в тарантас. «Гони!» Взвилась наша тройка!.. Еду я обратно, шевельнуться не смею: сам себе не верю, что это рядом со мной сидит сам Шереметев. А на душе все-таки гордое чувство... Завтра по всему Нижнему грянет, как гром. И кто это исполнил? Воронин! Перед самым городом совсем рассвело – глядим: мчится, сломя голову, жандармский полковник. Запоздал бедняга. До сих пор еще перед глазами стоят его выпученные глаза и испуганная физиономия, когда мы с громом и

звоном пронеслись мимо...

После этого Шереметев выхлопотал разрешение выехать за границу, и столп нижегородского крепостничества исчез с горизонта [43].

Х

Теперь, после этой нелепой, конечно, характеристики губернатора-декабриста, читателям понятны причины той глубокой ненависти, которая так вдохновляла крепостную музу. Понятно также, с какой жадностью большинство дворян ловило всякий слух об удалении Муравьева.

*Вот новость первоклассная,
Вот новость нарасхват,
Газетная, прекрасная,
И кто же ей не рад.*

Так начинается «Муравиада».

*Конец долготерпению!
Наш префект, наш тиран,
По царскому велению
Переведен в Рязань.*

Оказалось, что ликование было преждевременно: переведен был другой Муравьев, племянник Александра Николаевича, вятский губернатор. Вскоре, однако, пришла очередь и декабриста.[44]

В апреле 1861 года Ланской увидел себя вы-

нужденным подать в отставку, уступая место Валуеву.[45] Это был первый удар начинавшейся реакции. Муравьев понял, что и его роль кончена, написал Валуеву замечательное по откровенной прямоте письмо и в октябре тоже подал в отставку.[46] Либеральная часть дворянства и общества провожала его торжественным обедом. Губернский предводитель Болтин отметил твердость и такт, с которым якобинец и заговорщик сумел предупредить обычные в то время крестьянские волнения. Он достиг этого, внушив крестьянству, что и для тех, «кто в течение двух столетий терпел притеснения и насилия, есть правосудие, есть закон». Благодаря только этому, «в то самое время, как в большинстве других губерний потребовалось содействие войск для прекращения беспорядков, в Нижегородской губернии для этого было достаточно личного появления и устных разъяснений губернатора».[47].

В ответной речи Муравьев сказал, между прочим, что в этом «много содействовали ему сами крестьяне, которые с глубокой благодарностью к великим милостям императора при-

няли новое положение и в совершенном порядке, тишине и спокойствии исполнили все требования онаго... Тем самым, – закончил растроганный декабрист, – равно, как и дарованными им правами гражданства, они удостоились участия в настоящем обеде».

Действительно, за столом среди дворянских и чиновничьих мундиров, виднелись мужичьи кафтаны. Как они чувствовали себя в этом положении – вопрос другой, но в газетных статьях по поводу знаменательного обеда указывалось на это «явление», как на символ нового строя, воплощение наступившего равенства и братства...

С этих пор о Муравьеве ничего уже не слышно. За праздником освобождения наступили будни. Вверху на месте Ланских и Милютиных водворились Валуевы и Толстые. [48] Внизу – пережившие свой героический период Воронины становились исправниками обычного типа. И только порой, в глухие восьмидесятые годы, проносились воспоминания о героическом подъеме освободительной эпохи...

А. С. Гациский, историк и знаток Нижегородского края

родского края, в статье, посвященной Муравьеву, находит, что он ушел вовремя. Это, может быть, правда. Революционер и мечтатель в юности, прошедший долгую школу дореформенного режима, сам он стоял на грани двух периодов русской жизни. Свободолюбец мечтой, всеми привычками и приемами, он принадлежал к старому типу самовластного дореформенного чиновничества. Необыкновенно даровитая натура, он в совершенстве овладел этими приемами и направил их, как новый Валленрод,[49] на разрушение основ этого строя.

Но, когда стена векового рабства, наконец, рухнула, увлекая за собой и многое другое, старый декабрист и бывший городничий очутился лицом к лицу с новыми требованиями жизни, к которым применить ему уже было трудно. Мы видели приемы его борьбы. Они были старые и годились только в применении к старому...

А стремился он к новому до конца. И через все человеческие недостатки, тоже, может быть, крупные в этой богатой, сложной и независимой натуре, светится все-таки ред-

кая красота ранней мечты и борьбы за нее на закате жизни.

Примечания

Публикация и примечания Т. Г. Дмитриевой.

[^^^]

Владимир Галактионович Короленко более 10 лет прожил в Нижегородском крае. Он поселился в Нижнем Новгороде в январе 1885 года, когда после долгих скитаний получил разрешение вернуться в Европейскую Россию, и жил здесь под надзором полиции.

[^^^]

А. П. Муравьев стал полковником в 23 года – 7 марта 1816 г., что было удивительно даже для того времени, когда в результате продолжительных войн офицерский корпус русской армии значительно помолодел.

[^^^]

А. Н. Муравьев был членом преддекабристской организации «Священная артель», основателем «Союза Спасения», членом Военного общества и «Союза Благоденствия» до мая 1819 г. За успехи на военном поприще товарищи звали его «Маршал де Сакс» в честь знаменитого полководца н. XVIII ст. Морица Саксонского. Но в 1818 г. карьера его была внезапно прервана. В октябре он вышел в отставку, но не «по семейным обстоятельствам», как было записано в формуляре, а в знак протеста против «незаслуженного обращения» – ареста по распоряжению Александра I за ошибки, допущенные унтер-офицерами на крещенском параде. В сентябре 1818 г. А. Н. Муравьев женился на княжне П. М. Шаховской (1788–1835) и поселился в деревне, а в мае 1819 г. он объявил о своем решении покинуть тайное общество и вернул все хранившиеся у него документы Союза Благоденствия.

5

Люблинский Юлиан Казимирович
(1798–1873) – настоящая фамилия Мотошно-
вич. Из обедневшего шляхетского рода.

[^^^]

По конфронтации 10 июля 1826 г. А. Н. Муравьев был сослан в Сибирь без лишения чинов и дворянства.

[^^^]

Гациский (Гацисский) Александр Серафимович (1838–1893) – видный деятель земского и городского самоуправления, историк, статистик и исследователь Нижегородского края.

[^^^]

См. Русская старина (далее – РС), 1897, № 9. С. 539–559.

[^^^]

Дворянские сочинители обвиняли живших в доме нижегородского губернатора сестер покойной жены – М. М. Муравьеву, Б. М. и К. М. Шаховских, их племянницу Прасковью Михайловну Голынскую (1822–1893) – действительно получившую звание фрейлины благодаря хлопотам Муравьева – в том, что они вмешиваются в служебные дела, раздают родственникам «доходные места», принимают подношения.

[^^^]

Нижегородская ярмарка была любимым детищем А. Н. Муравьева. На время ее проведения он передавал управление губернией в руки вице-губернатора, а сам перебирался в Главный ярмарочный дом, давая объявление в «Справочном листе Нижегородской ярмарки», что он принимает всех, «имеющих до него надобность... без различия чина, звания, состояния, во всякий час для ежедневно...»

[^^^]

А. Н. Муравьев боролся не с отдельными людьми, а со злоупотреблениями, которые этими людьми допускались.

[^^^]

Савельев Александр Александрович (1848–1916) – видный общественный деятель, председатель Нижегородских (губернской и уездной) земских управ (1890–1908), член первых трех Государственных Дум.

[^^^]

Муравьев Михаил Николаевич (1796–1866) – брат А. Н. Муравьева, В 1865 г. граф, известен как Муравьев-Виленский.

[^^^]

Оба они, и Сорокин и Варыпаев, в молодости были членами кружка Ивана Петровича Елагина, тоже крепостного крестьянина, читавшего Руссо, Вольтера и преклонявшегося перед Р. Оуэном.

[^^^]

А. С. Гациский. Люди Нижегородского Поволжья.

[^^^]

Слова эти принадлежат Михаилу Ивановичу Попову – судье нижегородского уездного суда, коллежскому секретарю, о котором известно, что он очень неприязненно относился к А. Н. Муравьеву.

[^^^]

Губернаторский дом в Нижнем принадлежит дворцовому ведомству и называется «дворцом».

[^^^]

Прасол (устар.) – оптовый скупщик скота и разных припасов (обычно – мяса, рыбы) для перепродажи.

[^^^]

Рескрипт на имя В. И. Назимова был дан 20 ноября 1857 г., а циркулярное письмо министра внутренних дел С. С. Ланского – 24 ноября 1857 г.

Назимов Владимир Иванович (1802–1874) – генерал-адъютант.

Ланской Сергей Степанович (1787–1862) – граф, известный деятель крестьянской реформы, обер-камергер.

[^^^]

См. письмо А. Н. Муравьева от 32 декабря 1857 г. – Савельев А. А. Указ. соч. // РС. 1896. № 6. С. 616.

[^^^]

Штевен (Стевен) Алексей Христианович (?—?) – дворянин Нижегородской губернии, принадлежал роду, вышедшему из Швеции; действительный статский советник.

[^^^]

Русинов Николай Иванович (1820–1886) – из дворян Нижегородской губернии.

[^^^]

А. С. Гациский. Люди Нижегородского Поволжья. – Действия Нижегород. Арх. Комиссии. Т. III. Ст. Спехневского. (Видимо, это опечатка – автор статьи Снежневский В. И.)

[^^^]

Болтин Николай Петрович (1816–?) – из дворян Нижегородской губернии.

[^^^]

Пятов Яков Иванович (?—?) – дворянин Балахнинского уезда Нижегородской губернии. Происходил из купеческой среды.

[^^^]

Шереметев Сергей Васильевич (1792–1866) – образование получил домашнее. Службу начал в 1808 г. в Литовском Уланском полку, продолжал службу в лейб-гвардии Гренадерском полку» с 1810 г. – в Кавалергардском. Участник Отечественной войны 1812 г., в Бородинском сражении «был ранен саблею в лицо и в правую руку и в правую ногу», участник заграничных походов русской армии – неоднократно был награжден и повышен в звании. В 1819 г. он становится полковником и флигель-адъютантом Александра I. «За примерный порядок, усердие и точность в исполнении своих обязанностей во время нахождения в строю в войсках Гвардейского корпуса, собранных по Высочайшему повелению на Дворцовую и Исакиевскую площади против мятежников во время бывшего в Санкт-Петербурге происшествия, удостоился в числе прочих получить Высочайшую признательность 15 декабря 1825 г. «Военная служба С. В. Шереметева продолжалась успешно, и уже в 1827 г. он получил звание генерал-майора;

отличился во время Турецкой войны 1828–29 гг. – награжден золотой саблей «За храбрость» с алмазными украшениями. В 1835 г. вышел в отставку и поселился в своем имении Горбатовского уезда Нижегородской губернии. С 1837–46 гг. служил Губернским предводителем дворянства. При его активном содействии были организованы Александровский Губернский Дворянский Банк, Александровский Губернский Дворянский Институт и Мариинский Институт благородных девиц. «За отлично-ревностную службу в звании Губернского предводителя дворянства объявлено Особое Высочайшее Его Императорского Величества благоволение». В 1839 г. произведен в тайные советники. В период работы комитета по крестьянскому вопросу принадлежал к его большинству.

[^^^]

По словам самого С. В. Шереметева, крестьяне из его вотчин ссылались в Юрино «за закоренелое упорство... где они поправлялись как состоянием, так и поведением». А в 1850 г. он отобрал у многих крестьян земли, приобретенные ими на его имя вместе с документами.

[^^^]

Адлерберг Владимир Федорович (1791–1884). В 1852–72 гг. – министр Императорского двора и уделов.

Адлерберг Александр Владимирович (1818–1888 гг.) – граф, генерал-адъютант, член главного управления цензуры, министр Императорского двора и уделов (сменил отца на этом посту).

[^^^]

Как видно из биографии С. В. Шереметева, он действительно участвовал в подавлении восстания 14 декабря 1825 г. А. Н. Муравьев, покинув тайное общество в 1819 г., в событиях 14 декабря участия не принимал, и был арестован 8 января 1826 г. в с. Ботово Волоколамского у. Московской губ.

[^^^]

26 июня 1858 г. Нижегородский комитет принимает очень стеснительное для крестьян постановление об усадьбах, что и вызвало эти гневные слова А. Н. Муравьева.

[^^^]

Речь идет о статском советнике Якове Александровиче Куприянове, о котором известно, что после окончания училища правоведения с 1844 г. он служил на различных должностях по ведомству Министерства Юстиции, а с ноября 1857 г. стал нижегородским вице-губернатором.

[^^^]

Письмо С. В. Шереметева к гр. А. П. Бобринскому от 6 апреля 1859 г.

[^^^]

Бобринский Алексей Павлович (1826–1890).

[^^^]

Боборыкин Петр Дмитриевич (1836–1921) – известный русский писатель.

[^^^]

В 1860 г. Воронин В. М. состоял младшим чиновником по особым поручениям при генерал-губернаторе, в 1861 г. он уже старший чиновник. Долгое время (как удалось установить по Адрес-календарю), до 1880 г. Воронин был исправником нижегородского уездного полицейского управления, имея чин коллежского секретаря.

[^^^]

Комеражи (от фр. *commerager*) – сплетни, пересуды.

[^^^]

По воспоминаниям А. А. Дробышевского,
председатель нижегородской уездной зем-
ской управы.

[^^^]

С 18 по 22 августа 1858 г. Александр II находился в Нижнем Новгороде. Осенью, вернувшись в Петербург, он сказал С. С. Ланскому: «Мы с Вами начали крестьянское дело и пойдем до конца рука об руку».

[^^^]

Речь идет о предписании от 28 июля 1858 г., одобренном Александром II.

[^^^]

Имеется в виду А. В. Адлерберг.

[^^^]

Потентат (от лат. potentatus) – верховная власть, вельможа, властелин.

[^^^]

Речь Александра II публиковалась во многих изданиях, посвященных крестьянской реформе.

[^^^]

По воспоминаниям того же П. Д. Стремоухова, борьба между С. В. Шереметевым и А. Н. Муравьевым завершилась следующим образом: по ходатайству П. Д. Стремоухова к министру внутренних дел, «в виду, исключительных обстоятельств того времени», дело о злоупотреблении помещичьей властью С. В. Шереметевым обошлось без формального следствия.

[^^^]

Муравьев Николай Михайлович (1820–1869) – генерал-майор, сын М. Н. Муравьева-Вилenskого.

[^^^]

Валуев Петр Александрович (1814–1890) – граф, русский государственный деятель.

[^^^]

А. Н. Муравьев был уволен от должности и высочайшим приказом назначен сенатором с переводом в Москву 16 сентября 1861 г., фактически это была почетная отставка.

[^^^]

А. С. Савельев. Р. Старина. Июнь, июль 1898 г.

[^^^]

Милютин Николай Алексеевич (1818–1872).

Толстой Дмитрий Андреевич (1823–1889) – граф, русский государственный деятель, член Государственного Совета.

[^^^]

Валленрод Конрад – гроссмейстер Тевтонского ордена, который в к. XIV в. возглавил крестовый поход против Литвы и Польши. Предание сделало из него патриота-литвина, который вступил в орден с единственной целью отомстить ему за разорение своей Родины.

[^^^]